

ДВА ИНТЕРВЬЮ НА НЕВСКИХ БЕРЕГАХ

НАЗАД,

Его имя теперь столь тесно связано с Кировской оперой, что временами кажется, будто она и только она — объект его забот и размышлений. Между тем первая «звезда» Мариинки, обладатель международного титула «лучший дирижер 1993 года в области музыкального театра», Валерий Гергиев планомерно покоряет публику и как блестящий симфонический дирижер. Потому мы и решили поговорить с ним об оркестровом исполнительстве в России.

— Сегодня многие наши дирижеры предпочитают работать и концерттировать за границей...

— Нет, я предпочитаю дома. В прошлом году у меня здесь было... сейчас скажу... 61 выступление. В том числе я сделал четыре программы в Большом зале Санкт-Петербургской филармонии, включающие такие капитальные произведения, как брукнеровская Седьмая симфония и «Осуждение Фауста» Берлиоза. Там же с оркестром Кировского мы играли Шостаковича, Вагнера... И в театре у нас бесконечные концерты, по крайней мере, о «Променад-концертах» вы наверняка знаете. Я не говорю об опере, где, мне кажется, я делаю даже чересчур много.

— Но вы, скорее, нетипичный случай. Светлана же с Рождественским подавляющую часть сезона работают за рубежом, давно не показывается на отечественной эстраде Китаенко, на Запад смотрят едва окончившие консерваторию дирижеры и потенциальные кадры для оркестров — инструменталисты. С другой стороны, за пульты наших оркестров не спешат — хотя бы в качестве гастролеров — выдающиеся дирижеры-иностранцы... Не получается у нас пока равноценного «обмена». В результате — заметное снижение уровня отечественной оркестровой культуры. Как вы представляете себе дальнейшее развитие этой ситуации?

— Думаю, государство делает крупнейшую ошибку, выпу-

стив из рук контроль за организацией и жизнедеятельностью оркестров. Это хорошо, когда в Москве появляется двадцать новых оркестров. И это плохо, когда во всем двадцати государство почти не помогает. Волна новой экономической свободы носит их, как щепки в океане, и жизнь их превращается в вечные поиски спонсоров, которые все равно не дадут больших денег, и в вечные надежды на заграничные поездки, благодаря которым сегодня только и можно обеспечить свою семью.

— Но курировать все появляющиеся в стране коллективы для государства — любо-го — непосильная ноша. Не даром во всем мире большинство оркестров частные. И у нас уже есть опыт создания негосударственного коллектива, причем судьба его складывается куда счастливей многих, во всяком случае, пока. Я имею в виду плетневский оркестр.

— То, что появился еще один хороший оркестр, — от-радный факт. И одновременно ужасный факт, потому что при этом пять было разгромлено. Пять оркестров со своим «лицом», добившихся удивительной «сыгранности», что, поверьте, является плодом немалых трудов! Я дирижировал много раз Госоркестром, я влюблен в этот коллектив с 18 лет и поэтому восприимчив к его личной трагедии то, что такое количество музыкантов ушло из такого оркестра. Я и сейчас, к счастью,

могу сказать, что Госоркестр остается очень мощным коллективом — тот особый звук, те традиции, которыми он славен, не за год создаются и не за год разрушаются. Но какому риску он подвергся! Меньше всего мне хочется связывать эту историю с конкретными именами, может быть, и в «пострадавших» оркестрах шли какие-то процессы, которые спровоцировали уход музыкантов, — дело не в этом. Дело как раз в том, что государственной политики в данном случае — а разрушались ведь государственные коллективы — не читается никакой. Вообще.

— Если вы имеете в виду материальную поддержку оркестров, то вы ведь и сами, кажется, не ждете здесь скорых перемен к лучшему. Значит,

превышающая естественный уровень миграция музыкантов из оркестра в оркестр и отъезды за рубеж в поисках хорошо оплачиваемой работы будут продолжаться...

— Но это глубочайшее заблуждение, что если ты считаешь хорошим музыкантом в Москве или Петербурге, то тебя с ходу возьмут в элитарный — Чикагский или, скажем, Нью-Йоркский оркестр. Не так легко поступить даже в просто хороший западный оркестр. Можно, конечно, устроиться преподавать, можно зацепиться за какой-то небольшой оркестрик, только позволит ли это музыканту чувствовать себя состоявшимся? Как это ни банально, но чувство самоуважения необходимо так же, как хороший гонорар... У нас очень сильные и «живучие» музы-

В РОССИЮ!

кальные традиции, но опасность, что они будут мельчать, сохраняется — пока молодые люди убеждены, что работать в оркестре, скажем, Баден-Бадена престижнее, чем в Госоркестре. Сохраняется — пока не все еще понимают, что выступление, даже за минимальную оплату, в больших залах Москвы или Петербурга в глазах западных любителей музыки, не говоря уж о профессионалах, часто имеет гораздо большую цену, вернее, артистическую ценность, чем концерты по многочисленнейшим городам и весям Европы и Америки. Тем более что далеко не все залы там уровня «Карнеги-холл», «Мюзикферайна» или «Концертгебау»... Есть, наконец, пример Мравинского, который выступал только с оркестром Ленинградской филармонии, а главным местом своего священнодействия, если так можно сказать, считал Большой зал Ленинградской филармонии и при этом имел грандиозную репутацию на Западе.

— Но то были другие времена!

— Два года назад тоже были другие времена, и еще через два будут другие. Времена вообще меняются довольно стремительно, но должен же быть у каждого какой-то «островок незыблемости» — устои, принципы, которые не меняют в угоду новой моде или новым возможностям.

— О вас говорят как о прирожденном симфоническом дирижере. В таком случае можно предположить, что театр — не совсем то, что удовлетворяло бы вас на сто процентов. Возможна ли такая ситуация — вы уходите из Мариинки за тем, чтобы создать свой, «чистый» симфонический оркестр!

— Это ситуация не невозможна, но вряд ли такое случится в ближайшие годы. Во всем должна быть логика. Я не для того стараюсь что-то

строить — я именно это слово употребляю — в Кировском театре, чтобы при первой возможности оставить начатое. С другой стороны, оркестр Кировского театра сегодня и является одним из лучших симфонических оркестров страны. У нас, например, в ближайшие восемь месяцев будет три сугубо «симфонических» турне, в том числе по Америке, где мы открываем сезон в «Карнеги-холл». Мы не просто выступаем в этом зале, что само по себе уже является пределом мечтаний для многих оркестров, — мы открываем сезон, а это немного разные вещи. Может быть, он пройдет и плохо, тот концерт, но сейчас я говорю о том, что из всех симфонических коллективов, которые приглашаются выступать в «Карнеги», — а среди них и Венский, и Берлинский, и Чикагский, первым на эту сцену выйдет оперный оркестр. Значит, нам удалось добиться того, что с нами считаются как с симфоническим оркестром.

— А если вам предложат работать с каким-либо из знаменитых оркестров мира!

— Мне уже предлагали. Но идея просто заполучить выгодный контракт на Западе, перевезти туда семью и по крайней мере на десять лет защитить себя в социальном плане меня мало привлекает. Может быть, я, и совершаю ошибку, но мне все интереснее и интереснее работать дома. К тому же сейчас мой уход из Мариинского был бы воспринят и в театре, надеюсь, не как радостное событие, а в мире... Как бы нескромно это ни звучало, но думаю, в первую очередь благодаря Кировскому театру в мире исчезло ощущение, что вся позиция русской оперы позорно сдана. И если я уйду, это будет воспринято как мое поражение в борьбе с российскими трудностями.

— Вы в самом деле при

всей неоднозначности курса, который взял под вашим руководством Кировский, так изменили «лицо» театра, что приобрели не только высокую артистическую репутацию, но и репутацию отличного менеджера. Поэтому я и иду у вас ответа на вопрос: что необходимо сделать, чтобы поправить оркестровое дело в стране! Скажем, с позиции «если бы я был министром культуры!»

— Трудно быть министром культуры, если не иметь действительно серьезного влияния на распределение средств, а все знают, что в стране есть средства, и большие. Но как они распределяются, кому достаются и каким путем — с этим еще долго, думаю, будут проблемы. Тем более министр культуры должен иметь звучный голос, не уступающий по вескости голосу, скажем, министра тяжелой промышленности, и всюду — в Думе, парламенте, правительстве, доказывать, что даже требования базирующихся шахтеров нельзя удовлетворять путем сокращения ассигнования на культуру. Нужно как-то учиться делать одно не в ущерб другому.

...Он так и не предложил радикального средства против оркестровых «болезней» отечественного происхождения, не указал и места, где следует подстелить соломки. Может быть, причиной тому краткость и обстоятельства нашего разговора — полчаса в перерыве между двумя репетициями. А может быть, ему, живущему в темпе presto и пребывающему в творческом здравии, просто некогда об этом задумываться основательно? Но подзреваю — возьмись Гергиев создавать симфонический оркестр или руководить «готовым», он знал бы, как это сделать на «отлично».

Л. ДОЛГАЧЕВА.
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ —
МОСКВА.

Фото В. Плотникова.